

Библиографический список:

1. Екатеринбургский римско-католический приход святой Анны. <http://www.ekatcatholic.ru/> URL: <http://www.ekatcatholic.ru/> (дата обращения: 23.11.2018)
2. Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. 1. / отв. ред. М. Бурдо, С. Б. Филатов. Москва : Лотос, 2003. 489 с.
3. Яблоков И. Н. История религии. В 2 т. Москва : Академический проект, 2015. Т. 1. 526 с.

Жумашева А. Б.

РЕЛИГИЯ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ ТАРИМСКОГО БАССЕЙНА VII–IX ВВ.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению образования религии на территории Таримского бассейна в VII–IX вв. Благодаря своему центральному расположению и многочисленным городам-оазисам, бассейн Тарима стал проходом для тех, кто путешествует между востоком и западом. Роль перекрестка торговых путей и культур, транзитера религиозных идей и мотивов в искусстве закрепились за Таримским бассейном уже к началу нашей эры.

Ключевые слова: религия, Таримский бассейн, Китай, уйгуры, монголы, караханиды, буддизм, манихейство, ислам, христианство.

Изучать историю Китая Средних веков важно потому, что она по-прежнему влияет на современный Китай. Во-первых, современные китайцы считают свое прошлое источником национальной и культурной самобытности. И значимость контроля над данным регионом важна для китайской великодержавности как таковой, начиная с эпохи ханьского У-ди. Во-вторых, изучение прошлого Китая может помочь нам лучше понять глубоко внедренные политические, но самое главное, культурные модели, которые сохраняются в современном Китае.

Методологической основой исследования является принцип историзма.

Анализ научной литературы показывает, что проблема развития Таримского бассейна в VII–XI вв. изучена недостаточно полно. Отечественная историография по этому вопросу представлена, преимущественно, общими трудами по истории Китая [5], в которых упоминаются те или иные моменты, касающиеся рассматриваемой проблемы. Имеется небольшое количество специальных исследований, посвященных отдельным моментам рассматриваемой проблемы. В частности, среди востоковедов, следует выделить Л. А. Боровкову [1], С. А. Васютина [2]. Важные исследования проблематики провел Д. Е. Желобов [4], который в своих трудах исследует развитие государств Таримского бассейна в рассматриваемый период. Он освещает различные моменты общественно-политической, религиозной и экономической жизни государств этого региона, прослеживает культурные и религиозные взаимовлияния. Д. Е. Желобов выдвигает концепцию «торговой теократии» на материале нескольких средневековых государств Таримской впадины. Согласно этой концепции государственная власть, религиозные общины и купеческие объединения государств обозначенного региона фактически были слиты воедино.

В целом, в историографии отсутствуют комплексные исследования политических и этноконфессиональных трансформаций в регионе Таримской впадины в указанный период. Поэтому, сегодня существует необходимость дальнейшего изучения проблемы и ее комплексного анализа.

Таримский бассейн занимает площадь около 1 020 000 кв. км., и, находясь в самом Центре Азии, он простирается на более чем половину территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР и часто упоминается как Наньцзян или «Южный Синьцзян», при этом северная половина региона позднее известна как Джунгария или Бэйцзян. Северная граница Таримского бассейна отмечена горами Тянь-Шаня, его южная граница окружена горами Куньлунь, а в центре доминирует враждебная пустыня Такла-Макан [1, с. 26].

Важным фактором в развитии государств Таримской впадины было функционирование в регионе торговых маршрутов совокупно известных как Великий шелковый путь. Эти караванные пути были символом общения Востока и Запада, связывали торговые центры большого пространства между Китаем и Средиземноморьем. Маршруты эти работали уже во времена Западной Хань.

Непосредственное участие в транзитной торговле оказалось непосильным для военно-бюрократических машин Китая, Рима, Византии и Ирана. Крупные земледельческие государства, которые связывал Великий шелковый путь, быстро уступили лидирующую роль в торговле купеческим объединениям, ограничиваясь лишь таможенной политикой. Купеческие объединения имели сетевую структуру, у них отсутствовала сколько-либо выраженная военно-политическая составляющая, способная координировать усилия. В то же время, конкурируя между собой, они остро нуждались в объединительном принципе. Этот принцип был найден в

религии. Будучи единоверцами, торговцы оказывали друг-другу поддержку и могли рассчитывать на помощь со стороны местных представителей религиозной общины в каждом из городов Великого шелкового пути. Религиозная община давала торговцам необходимый интеллектуальный ресурс, снабжая их специалистами, владеющими счетом, письменностью и языками, а те давали миссионерам религиозной общины необходимый транспортный и финансовый ресурс. Торговцы могли совершать не обходимые остановки в пути при храмах и монастырях, которые обеспечивали содержание и охрану постояльцев.

На начало VII в. в городах-оазисах Тарима уже были распространены буддизм, манихейство и несторианское христианство, а с VIII в. в этот регион начинает проникать ислам.

Взаимовыгодное сотрудничество создало мощные торгово-религиозные объединения, обладающие гораздо большими возможностями, чем оазисные города-государства. Так, в городах, расположенных вдоль Великого шелкового пути, и прежде всего, в городах Таримской впадины, установился торгово-теократический режим, в условиях которого политические, религиозные и торговые интересы срослись до степени неразличимости. Торгово-теократические объединения возникли на базе буддийских, манихейских, несторианских и мусульманских религиозных общин. Ислам появляется в Таримской впадине позже остальных указанных религий [4, с. 190–191].

Таким образом, основными факторами, что влияли на развитие государств Таримского бассейна, были: географическое положение, что продиктовало оазисное расположение государств, многообразность культур и религий, их синтез, богатство природных ресурсов, прохождение Великого шелкового пути через этот регион.

Хотанское государство. Хотан – это оазис, расположенный в бассейне реки Тарим, к северу от гор Куньлунь, которые пересекают перевал Санджу и Гинду-таг, и проходит Ильчи. Хотанское царство было древним буддийским царством, которое располагалось на ветке Великого шелкового пути, проходившего вдоль южного края пустыни Такла-макан в бассейне Тарима [8].

Хотан, ставший одним из важнейших центров буддизма в регионе еще в начале новой эры, обладал огромным влиянием во всей Таримской впадине и далеко за ее пределами. Основу его могущества составляли контроль над южным трактом Великого шелкового пути, богатейшие месторождения нефрита и успешно развивавшаяся на протяжении около тысячи лет буддийская культура. Хотанские правители официально пользовались титулами «царь царей» и «чакравартин», что говорит о восприятии ими себя универсальными монархами и защитниками буддизма по всему миру [3, с. 64–65].

Древнее государство Хотан было одним из самых ранних буддийских государств в мире и культурным мостом, через который буддийская культура и знания передавались из Индии в Китай. Его столица находилась к западу от современного города Хотан. Жители Хотанского государства говорили на хотаносакском языке. Коренная династия Хотана (все королевские имена которого являются индийскими по происхождению) управляла буддийским городом-государством, насчитывающим около 400 храмов в конце IX – начале X в. (в четыре раза больше, чем записал Сюань-цзан в 630 г.) [8].

В X в. ирано-сакское буддийское государство Хотан было единственным городом-государством, которое еще не было завоевано тюркскими уйгурскими (буддистскими) и тюркскими караханидскими (мусульманскими) государствами. В конце X в. Хотан начал борьбу против Караханидского ханства. Исламские завоевания в буддистских городах к востоку от Кашгара начались с обращения султана Сатук Бугра-хана в ислам в 934 г. Сатук Бугра-хан, а затем его сын Муса направили усилия на то, чтобы распространять ислам среди турок и участвовать в военных завоеваниях. В результате, началась долгая война между исламским Кашгаром и буддийским Хотаном. В 1006 г. мусульманский правитель Караханидов Юсуф Кадир, хан Кашгара, завоевал Хотан, положив конец существованию Хотана как независимого буддийского государства.

В XI в., когда Хотан пал под натиском караханидов, большинство оставшихся монахов уже бежали в Тибет, взяв с собой многие свои священные тексты. Вскоре после того, как Караханиды начали свою оккупацию, ислам стал доминирующей религией в Хотане, ознаменовав конец буддизма в регионе [9].

Ко времени, когда Марко Поло посетил Хотан (между 1271 и 1275 гг.), он сообщил, что «все жители поклоняются Мохамету» [11].

Таким образом, Хотанское государство, благодаря своему стратегическому расположению на стыке южной ветви Шелкового пути, соединяющего Китай и Запад, с одним из главных маршрутов из древней Индии и Тибета в Центральную Азию и далекий Китай, стало центром, где не только товары, но и технологии, философия и религии передавались из одной культуры в другую. Так многих паломников из Хотана приглашали на официальные приемы императоры в Китай в конце XII в., а также приглашали принять участие в переводах сутр [5, с. 256].

Гаочан-Уйгурское государство. Изначально существовал Уйгурский каганат, который образовался во время упадка Второго тюркского каганата.

Специфика Уйгурского каганата, что отличала его от предшествующих кочевых империй I тыс. н.э. заключалась в том, что он имел постоянную столицу, здесь начали строиться города, развивалось земледелие, как господствующую религию уйгуры приняли манихейство [2, с. 28].

Существование Уйгурской империи закончилось, когда уйгурские войска были разбиты ее соперниками – енисейскими кыргызами. Две группы диаспор уйгуров построили новые государства в Ганьсу и Таримском бассейне. Уйгуры-ганьсу хоть и оставались в этом регионе, но никогда как независимое государство не считались. Уйгуры Таримского бассейна с готовностью адаптировались к малоподвижному образу жизни и построили одно из самых разнообразных обществ того времени, где буддисты, несторианские христиане, манихеи и зороастрийцы жили бок о бок.

Тохарский язык доминировал в этой области в отличии от буддизма среди большинства жителей северного бассейна Тарима.

Государственной религией кочевых уйгуров было манихейство, влияние которого в определенные периоды истории каганата достигало масштабов теократии [4, с. 6]. Но, скорее всего, преувеличение считать это теократией. Т.к. в целом манихейство не объединяло целый весь народ, поскольку многие принципы не соответствовали интересам людей: не убивать животных, не есть их мясо и не пить молоко [6]. Основателем этой религии считается Мани (216–277 гг. н.э.). При Шапуре I в Иране манихейская религия некоторое время пользовалась покровительством царской власти, однако через четыре года после смерти Шапура основатель ее умер в заточении, затем она начала распространяться на восток [7, с. 124]. Сущность манихейства заключается в спасении человека от зла, хотя, по мнению Мани, зло неистребимо. Скорее всего, этот пессимистический взгляд отражает низший класс общества из-за неравенства и недовольства эксплуататорскими порядками, и в то время это считалось извечным и непреодолимым. Уйгуры продолжали исповедовать манихейство до конца X века, когда многие из уйгурской правящей элиты перешли к исповеданию буддизма. Посланник империи Сун Ван Яньдэ во время своего визита в Гаочан в 982 г. сообщил о существовании там около пятидесяти буддийских монастырей. Развитие и процветание буддизма преобразовали эту территорию в один из культурных центров Восточной Азии [6].

Принятие буддизма уйгурами было обусловлено влиянием как минимум двух основных центров буддизма в северной части бассейна Тарима, тохарианцев в районе Куча-Карашахр-Турфана и китайцев в регионе, охватывающем Бешбалык-Турфан-Дуньхуан. Тохарианцы и китайцы занимали ведущие религиозные позиции в качестве первосвященников до середины XI в., когда среди уйгуров появились собственные религиозные лидеры. Обращение уйгуров в буддизм было скорее политическим, чем религиозным решением, так как давало возможность утверждения себя представителями жителей оазисов по всему северному бассейну Тарима, исповедующих буддизм, в качестве защиты от мусульман [10, с. 6–9].

По словам Д. Е. Желобова, на протяжении своего почти пятисотлетнего существования Гаочан-Уйгурское государство тесно взаимодействовало с Центральным Китаем. Это взаимодействие выражалось, в частности, в активном заимствовании им китайских форм буддизма. И если Хотан до мусульманского завоевания продолжал оставаться в тесной связи с буддизмом Индии, то гаочанские уйгуры фактически были объединены в единое культурное пространство с Центральным Китаем и такими его непосредственными соседями как Уйгурский каганат в Ганьжоу, Си Ся, Ляо и Цзинь [3, с. 107].

Одним из важнейших последствий уйгурского обращения в буддизм было формирование большого корпуса уйгурской буддийской литературы, написанной в основном новым уйгурским шрифтом, который заменил старую тюркскую руническую систему, но также и на тибетском. Традиции махаяны и тхеравады доминировали в регионе бассейна Тарима до конца XIII в., когда влияние Тибета возросло, главным образом, из-за монгольского контроля над Китаем. Одним из наиболее важных произведений был уйгурский перевод биографии буддийского монаха династии Тан Сюань-цзана, который посетил 138 стран за семнадцать лет своего общего путешествия (629–645 гг.), целью которого было посещение Индии, чтобы найти буддийские писания. Биографию путешественника создал уйгурский буддийский переводчик Шингко Шали Тутунг (ок. 930-х гг.). Это была самая длинная и полная личная биография в истории Китая того времени [12]. Эта книга является очень важной, потому что предоставляет бесценную информацию по множеству других вопросов, кроме средневекового буддизма, – от архаичного тюркского и китайского языков до исторической географии.

Таким образом, Гаочан-уйгурское государство существовало в период военно-политического могущества древних уйгуров с развитой и самое главное мирной торговлей с империей Тан. Оно сформировалось в результате миграции кочевников на территорию Таримской впадины из-за климатических изменений. Государство с доминированием манихейства, но к X в. с преобладанием буддизма.

Таким образом, в VII–IX вв. Таримский бассейн, расположенный на древнем Шелковом пути, представлял собой совокупность множества государств, расположенных в оазисах бассейна и отдаленных друг от друга природными преградами. В развитии Хатанского государства важную роль сыграли тибетцы, в Гаочан-Уйгурском государстве – кочевники. В двух случаях «иноземные помощники» обеспечили территориальное расширение, а также формирование военной элиты. Вдобавок два государства можно было разделить на две разных религиозные общины: Хотанское государство – буддизм, Гаочан-Уйгурское государство – манихейство, затем буддизм.

Но, несмотря на это, благодаря своему расположению, Таримский бассейн был домом и для других религий, особенно зороастризма, несторианского христианства (церковь Востока), ислама и шаманизма.

В целом, Таримский бассейн в VII–XI вв. сыграл значительную роль в истории миграции народов, развитии культуры и связей между различными цивилизациями Азии. Таримский бассейн был центром китайской и западной культур. Потому что являлся частью Великого Шелкового пути, в результате которого проходили коммуникации между Европой и Азией. А также в данный период сформировались характерные черты культуры и государственности, которые можно рассмотреть в настоящем времени.

Библиографический список:

1. Боровкова Л. А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. М. : Наука. 1989. 177 с.
2. Васютин С. А. Уйгурский каганат – цивилизационная альтернатива пасторальным империям Центральной Азии I тыс. н.э. // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2011. 11 (113). С. 28–34.
3. Желобов Д. Е. Гаочанские уйгуры и китайский буддизм // Материалы VI международной научно-практической конференции «Китай: история и современность», Екатеринбург 20–21 ноября 2012 г. Екатеринбург : Уральский университет. 2012. С. 104–107.
4. Желобов Д. Е. «Три религии» гаочанских уйгуров (IX–XII вв.) // Научный диалог. 2012. № 9. История. Социология. С. 6–16.
5. История Китая с древнейших времен до начала XXI века в 10 т. Том III: Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907). М. 2014. 991 с.
6. Набиджан Турсун. Краткий очерк культуры Уйгурского Турфанского идыкутства. URL: http://uighur.narod.ru/book/nabidjan_ocherk2.html (дата обращения: 03.04.2019)
7. Хосроев А.Л. История манихейства (Prolegomena). СПб. : Филологический факультет СПбГУ. 2007. 480 с.
8. Ancient Buddhist Kingdom of Khotan (600 AD). URL: <http://balkhandshambhala.blogspot.com/2012/11/balkh-khotan.html> (дата обращения: 02.03.2019)
9. Buddhism in Khotan. URL: <https://www.revolvy.com/page/Buddhism-in-Khotan> (дата обращения: 28.02.2019)
10. Johan Elverskog. Uyghur Buddhist Literature. Turnhout : Brepols. 1997.
11. Ruark M. Kingdom of Khotan Michael Ruark. December 9, 2018. URL: <https://michaelruark.blog/2018/12/09/kingdom-of-khotan/> (дата обращения: 03.03.2019)
12. Michael C. Brose. The Medieval Uyghurs of the 8th through 14th Centuries // Oxford Research Encyclopedias of Asian History. Jun 2017. URL: <http://oxfordre.com/asianhistory/view/10.1093/acrefore/9780190277727.001.0001/acrefore-9780190277727-e-232> (дата обращения: 03.03.2019)

Заболотских К. И.

Х. САДАБА О СООТНОШЕНИИ БИОЭТИКИ И РЕЛИГИИ СЕГОДНЯ

Аннотация. Испанский философ Садаба рассматривает биоэтику как этику, которая основана на идее человеческого достоинства и является результатом действия здравого смысла в определенной ситуации. Биоэтика будущего должна быть светской, обосновывать ответственное отношение человека к жизни и объединять все мировые культуры в единое целое.

Ключевые слова: биоэтика, светская этика, религиозная этика, религия, христианство.

Биоэтическая проблематика является в настоящее время особенно актуальной. В связи с развитием науки (а в особенности медицинских и биологических наук) и внедрением новых технологий возникают вопросы о месте человека в мире, о ценностях человеческой жизни. Именно понимание целей и ценностей жизни человека являются главным для современного общества, для развития науки, полагает испанский философ Хавьер Садаба (1940 г.). Основные его работы: «Лекции по философии религии» (1989 г.), «Язык, магия, метафизика. Другой Витгенштейн» (1984 г.), «Любовь против морали» (1988 г.), «Принципы светской биоэтики» (2004 г.) посвящены исследованиям философии религии, лингвистической философии, а также проблемам биоэтики.

В качестве основания биоэтики, ее начала, Садаба утверждает всеобщий характер биоэтических вопросов. Как наука, биоэтика начинается с утверждения автономии человеческого бытия, его достоинства и неотъемлемых прав. Все культуры, по мнению испанского ученого, объединены единой целью, которая связана с осознанным человеческим бытием. Современный человек в результате новых открытий в науке, технических изобретений, должен понять и уточнить цели, направление развития общества.

Биоэтика, как полагает философ, возникает вследствие необходимости переосмысления моральных коллизий, трудностей, которые возникают в настоящее время. Биологический прогресс порождает проблемы, решением которых занимаются отдельные научные направления, которые обязательно учитывают и моральный ракурс этих вопросов. В то же время вопросы морали рассматриваются и в религиозных системах.

В каком смысле можно говорить о соотношении христианской религии и биоэтики? В биоэтике утверждается понятие моральной автономии человека, его независимости. Это положение не согласуется с основным